

УДК 811.161.1

АДЪЕКТИВНЫЙ СУФФИКС *-ьск-* КАК СРЕДСТВО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

И.В. Ерофеева

Аннотация

В статье рассматриваются функциональные особенности производных адъективов с суффиксом *-ьск-* в языке русских летописей. Проводится комплексный анализ их грамматических и семантических особенностей с учетом факторов синтагматического, словообразовательного, стилистического характера. Выявляется круг производящих основ для прилагательных с формантом *-ьск-*, определяется специфика их лексического значения, а также основные тенденции в развитии грамматической семантики.

Ключевые слова: адъективный суффикс, грамматическая семантика, производящая основа, синтагматический аспект, летописный текст.

Имена прилагательные в русском языке распадаются на два класса слов: непроизводные слова, непосредственно называющие признак, и производные слова, называющие признак опосредованно, через отношение к предмету, признаку или действию, названному производящим словом. Большинство прилагательных уже в древнерусский период представлено производными образованиями. Среди них особое место занимают адъективы с суффиксом *-ьск-*.

Суффикс *-ьск-* относится к числу древнейших индоевропейских формантов, получивших широкое распространение во всех славянских и балтийских языках. Произведенные при помощи него адъективы занимают значительное место в системе именных производных форм в летописных текстах, разных по времени и месту написания. В древнерусский период суффикс *-ьск-* отличался высокой продуктивностью, однако круг производящих основ, с которыми он соединялся, был семантически ограниченным. Суффикс *-ьск-* осложнял преимущественно основы личных имен существительных, чем отличался от другого продуктивного суффикса – *-ьн-*, который осложнял именные и глагольные основы самого разного значения. Прилагательные, образованные от основ существительных при помощи суффикса *-ьск-*, часто выражали значение принадлежности, приближаясь по грамматическому значению к адъективам с посессивным значением. Однако уже в древнерусском языке значение притяжательности постепенно превращается в значение родовой принадлежности, свойственности лицу или коллективу. По словам А. Мейе, «суффикс *-ьск-* представляет один из суффиксов, служащих для образования прилагательных, производных от существительных и являющихся дополнением, указывающим на

группу (коллектив)» [1, с. 292]. Эта же особенность была свойственна прилагательным с суффиксом *-ьск-* и в старославянском языке: «Имена прилагательные на *-ьскъ* в том случае, когда они выступают вместо родительного падежа множественного числа, ведут себя как притяжательные прилагательные» [2, с. 157].

В образовании прилагательных от имен собственных суффикс *-ьск-* универсален и не имеет конкурентов. Прежде всего, он представлен в большом количестве образований от топонимических и этнонимических наименований, в которых выражает не индивидуальное, а родовое отношение, что связано со спецификой семантики производящего имени: оно обозначает не конкретное, единичное лицо, а выступает с обобщенным значением, например: *Оугорьска земля* и *Болгарьска* (ПВЛ, 2 об.), *Словѣньскии языкъ* (ПВЛ, 3), *Словѣньское писмо* (ПВЛ, 51 об.); *страну Болгарьску* (ПВЛ, 22 об.); *князи Рязаньскии* (МЛС, 157); *рать Татарьскую* (МЛС, 195); *посады Новгородские* (МЛС, 405) и под.

Поскольку в летописных текстах получили широкое отражение политические события в их темпоральной и локальной прикреплённости, при описании исторических событий основным действующим лицом является народ, совокупность людей, жителей той или иной области, страны, города. Широкое использование топонимических и этнонимических обозначений составляет устойчивую, специфическую черту летописных текстов. Данное обстоятельство обуславливает высокую частотность употребления прилагательных на *-ьск-* в составе сочетаний с субстантивными компонентами пространственного значения: *страна, земля, область, волость* и т. п. Подобные существительные характеризуются синкретизмом семантики, совмещая локальное и собирательное значение, поскольку обозначают место, с которым связано также представление об определенной совокупности лиц.

Словосочетания с атрибутивным компонентом – прилагательным на *-ьск-*, обозначающим народность, жителей страны, города, употребляются в летописных текстах наряду с производными существительными со специальными суффиксами: *-ане, -ьць, -ичь* и под. Словосочетания типа *земля Болгарьска, земля Словеньска, Деревьска земля, Гречьская земля* и под. имеют в летописи синонимичные этнонимы, как производные, так и непроизводные. Использование подобных сочетаний отражает дискретное представление о денотате, характерное для более древних этапов языкового развития. Наиболее частотным атрибутивным компонентом сочетаний, обозначающих группы людей по их принадлежности к топо- или этнонимической общности, является прилагательное *руськии*: *Русская земля, страна Русская, людии Русские, сынове Русские, власть Русская, Русские вои, Русские полки*. При этом слово *руськии* могло реализовывать как широкое значение «вся русская земля», так и более узкое «только Киевское княжество».

Наиболее частотными субстантивными компонентами подобных сочетаний являются существительные *земля* и *люди*. Сочетания со словом *земля* передавали более многогранные понятия, чем соответствующие производные и непроизводные этнонимы. Употребление сочетания *Русская земля* вместо этнонима *Русь* придает летописному повествованию большую образность, несет

определенную смысловую и стилистическую нагрузку, связанную не только с денотативным, но и с коннотативными аспектами значения слова *земля* в языковой традиции Средневековья. Сочетание *Русская земля* отличалось широким семантическим объемом, включая название территорий, жителей, войска. Оно приобретает символическое звучание, обусловленное важностью обозначаемого им понятия в языковом сознании того времени. Сочетание *Русская земля* выступает с синкретичной семантикой в погодных статьях военно-исторического содержания, например: *Аще Богъ хоцет помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ да възложитъ имъ и сердце обратитися къ Богу* (ПВЛ, 19); *И погыбнетъ земля Руская и врази наши Половьци пришедше возмутъ землю Русскую* (ПВЛ, 88 об.); *И совокупиша землю Русскую всю противу Татаром* (МЛС, 147 об.) и др.

В значении сочетания *Русская земля* могут эксплицироваться и локальные компоненты при употреблении с предлогами *въ* и *на*: *Романъ же ускори предъ нимъ, скопя полкы Галичьскыя, и иде в Русскую землю* (МЛС, 122); *Того же лѣта прииде митрополитъ именемъ Марко от святыя богородица из Синаискыя горы на Русскую землю* (МЛС, 261) и др.

Сочетание *Русская земля* в летописном тексте может выступать и с более конкретным значением «русское войско», например: *Иде Святѣполькъ, Володимерь, Давыдъ и вся земля просто Русская на Половьце* (НЛ, 7 об.); *Томъ же лѣтѣ ходиша вся Руска земля на Галичь и много попустиша область ихъ* (НЛ, 24).

В летописных памятниках, отразивших местные события, например в НЛ, наиболее частотным атрибутивным компонентом в сочетаниях, включающих отономастические прилагательные, является **новгородьскыи**: *Новгородская земля, Новгородская область, Новгородская волость, слы Новгородские, Новгородские мужи, гости Новгородские, бояры Новгородские*. Все эти словосочетания по своему семантическому объему соответствуют деривату **новгородьци**.

Атрибутивные компоненты сочетаний, называющие группы людей по этноили топонимической принадлежности, связаны не только с русскими, но и с иноязычными названиями народов. При этом прилагательные на *-ьск-* выражают значение отношения как к стране, району, местности, так и к названиям жителей данной страны: *Гречьская земля, Палестиньская земля, Лядьская земля, люди Жидовьскыя, люди Корсуньскыя* и под.

Довольно широко представлены в летописных текстах производные прилагательные с суффиксом *-ьск-*, образованные от именных основ, называющих лицо по полу, возрасту, социальному положению, званию, сану, религиозным признакам. При этом адъективы на *-ьск-* иногда выражали значение принадлежности, приближаясь по грамматическому значению к притяжательным прилагательным, каковыми их считал еще А.Х. Востоков [3, с. 63]. Однако поскольку они соотносились в основном с существительными с обобщенным значением лица, то постепенно приобретали значение родовой принадлежности, свойственности лицу или коллективу.

Большинство прилагательных на *-ьск-* в тексте летописных сводов соотносится с существительными, называющими лицо по религиозному сану, прежде всего греческого происхождения: **церььскыи, иночьскыи, священничьскыи, чернечьскыи, дяконьскыи, мнишьскыи**, или другими наименованиями лиц,

имеющими сакральную семантику: *ангельскыи*, *апостольскыи*, *пророчьскыи*, *христианьскыи* и др. Грамматическая семантика подобных прилагательных зависит от значения производящего существительного. Чем шире семантический потенциал производящего субстантива, тем больше возможностей развития собственно качественных оттенков в значении производного адъектива на *-ьск-*. И хотя качественное значение у прилагательных на *-ьск-* в древнерусском языке еще слабо выражено, однако намечается определенная тенденция в их семантическом развитии, что находит отражение и в летописном языке. Так, *ангельскыи* – это и «свойственный ангелу», и «святой». В зависимости от формулы текста прилагательное реализует ту или иную семантику.

Проявление оценочной функции данного адъектива напрямую связано с процессом окачествления его семантики, обусловленной спецификой производящего слова *ангелъ*, имеющего выраженную позитивную коннотацию. В одних случаях в производном адъективе находит отражения денотативная часть значения производящего имени существительного, например: *старѣишина чину ангельску* (ПВЛ, 28 об.) – «совокупность ангелов всех ступеней их иерархии»; в других случаях в производном адъективе актуализируется коннотативная часть значения производящего существительного, например: *ангельскаго житья* (ПВЛ, 29 об.) – «святой жизни»; *просвѣщение аггельское* (МЛС, 216 об.) – «святое сияние»; *за дома ангельская* (НЛ, 137 об.) – «святой храм, церковь». Как и другие слова, обозначающие религиозные понятия, образование *ангельскыи* чаще всего выступает в составе терминологизированных сочетаний типа: *постригошася вси въ аггельския образ* (МЛС, 158 об.) – «постричься в монахи».

Образования на *-ьск-* от нарицательных наименований лиц могут мотивироваться существительным в форме плуратива, выражая не индивидуальное, а родовое отношение, что свойственно производным от этнонимов. Будучи связанным с существительным, обозначающим совокупность лиц, образование *христианьскыи* не способно выражать значение индивидуальной принадлежности. Данное образование относится к числу чрезвычайно распространенных в летописных текстах, что связано с прагматической и коммуникативной установками древнерусского текста, в котором область сакрального представлена очень широко. Прилагательное *христианьскыи* может определять существительные разнообразного значения, каждый раз реализуя те или иные оттенки значения: *христьянскому народу* (МЛС, 329); *родъ хрестиянскии* (ПВЛ, 26 об.); *въѣре христьянскои* (МЛС, 340; ПВЛ, 18 об.); *крови христьянская* (МЛС, 37); *душь христьянских* (МЛС, 70); *на зло христьяньское* (МЛС, 463 об.); *люди христьяньския* (МЛС, 181); *страны хрестьяньския* (ПВЛ, 41); *дома христьяньския* (НЛ, 138) и др. В сочетаниях с субстантивами, обозначающими совокупность лиц (*родъ*, *народъ*, *люди*, *души*, *страны*), и примыкающим к ним словом *кровь* в метонимическом значении актуальным оказывается узкое значение данного адъектива – «русский». В сочетании с религиозными терминами, например словом *въѣра*, прилагательное *христианьскыи* выступает в своем основном, религиозном смысле.

Интересно, что летописные своды отличаются характером синтагм, включающих данный атрибутивный компонент, что связано со спецификой описываемых событий, манерой писца. В ПВЛ, в которой значительное место занимают

произведения религиозного содержания, в том числе содержащие подробное описание событий, связанных с принятием и распространением христианства на Руси, наиболее популярны выражения *вѣра хрестьяньская*, а также устойчивое выражение *новыя люди хрестьяньскыя* (ПВЛ, 47 об., 52 и др.). В НЛ, отличающейся большей сухостью и однообразием языка, меньшим количеством произведений религиозного содержания, отмечается только одно выражение со словом *христианьскыи*: *за хрестьяньскую кровь* (НЛ, 141 об.). В более поздних летописных сводах, например МЛС, расширяется количественный и качественный состав синтагм, включающих данный компонент. Поскольку в МЛС вошло большое количество воинских повестей, в этой летописи часто используются словосочетания, субстантивные компоненты которых имеют военную семантику: *полкы хрестьяньскыя* (МЛС, 281 об.); *от оружиа христианьскогого* (МЛС, 281 об.) и под. В данных сочетаниях прилагательное *христианьскыи* с гиперонимическим значением «православный» актуализирует более узкую, этнонимическую семантику «русский» (в противоположность иноплеменному). Именно с этим значением прилагательное *христианьскыи* чаще всего выступает в летописном повествовании. Содержащееся в семантике адъектива *христианьскыи* имплицитное противопоставление (православный – иноплеменный) может получать внешнее выражение в виде его использования в контексте в антитетических конструкциях: *Слушая злых челоуѣкъ сребролюбцевъ богатых и брюхатых, предатели хрестьяньских, а норовниковъ Бесерменских* (МЛС, 463 об.). В данном контексте реализуется объектное значение данного прилагательного, соотносительное с родительным падежом существительного, как и в других синтагмах, где прилагательное *христианьскыи* определяет существительные со значением лица: *кровопролицы хрестьянских* (МЛС, 157 об.).

Другой адъектив, мотивированный личным нарицательным существительным религиозной семантики, *пророчьскыи*, выступает в основном в «субъектном» значении: *Почитая пророчьскыя бесѣды. и еуангельская оученья. и апостольская житья святыхъ отць* (ПВЛ, 52). В МЛС оно фиксируется в составе устойчивого сочетания *пророческое слово*: *И бѣ пророческое слово збываемо зряще* (МЛС, 175). В данных синтагмах в соединении с существительными, обозначающими речевую деятельность или ее продукт (*бесѣда, слово*), происходит актуализация внутренней формы слова *пророкъ* за счет этимологизации его корневой морфемы.

Мотивирующими основами для образований на *-ьск-* могли быть наименования лиц по социальному положению, хотя в количественном отношении они значительно уступают образованиям от наименований лиц по религиозному положению, например: *боярьскыи, князьскыи, королевьскыи, царьскыи*. Самым популярным сочетанием с прилагательным *боярьскыи* в летописных текстах является *дѣти боярьскыи*, в котором прилагательное реализует притяжательное значение: *И повелѣ князь стеречи их сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ* (НЛ, 137). В ранних летописях данный социальный термин употребляется в единичных случаях, в то время как в МЛС он становится очень употребительным. Адъектив *боярьскыи* выражает притяжательное значение в сочетании с существительными различной семантики: конкретно-

предметной, со значением лица, в том числе называющими лицо по родству, и, наконец, с отвлеченным значением, где объектом обладания может быть не только конкретный предмет вещного мира, но и нематериальный, идеальный по своей природе предмет или явление: *речи боярские* (МЛС, 106 об.); *дворы боярские* (МЛС, 332); *от боярских холопов* (МЛС, 464 об.); *села боярская* (МЛС, 107); *земли боарские* (МЛС, 449 об.); *жены боарские* (МЛС, 453); *люди боарские* (МЛС, 453), *сына боарского* (МЛС, 436 об.); *о вотчинах боарских* (МЛС, 446).

Прилагательное *княжеский* еще малоупотребительно в летописных текстах, так как преобладает его словообразовательно-грамматический синоним *князь*. В ранних летописях от основ *царь* и *король* отмечаются прилагательные с суффиксом *-евъ* – *царевъ* и *королевъ*, в более позднем МЛС наряду с ними начинают последовательно употребляться прилагательные на *-ьск-*, что отражает общую тенденцию в развитии притяжательных прилагательных, проявляющуюся в вытеснении первоначальных форм образования с более выразительными суффиксами. При этом адъективы *царьский* и *королевский* выражают преимущественно притяжательное грамматическое значение в сочетании с существительными предметной семантики: *царскую утварь* (МЛС, 35 об.); *царскую багряницу и венець* (МЛС, 300 об.); *царьский венець* (МЛС, 303) и др.

Таким образом, адъективы, мотивированные субстантивными основами со значением лица по социальному положению, своеобразно отражают характер лексического значения своих производящих, не способных к развитию отвлеченных значений, а потому выступают в основном с притяжательным значением, первичной и наиболее древней семантикой прилагательных с суффиксом *-ьск-*.

Если же прилагательные на *-ьск-* соотносятся с личными существительными с широким, гиперонимическим значением, они обнаруживают способность к семантическому переосмыслению, выходя за рамки значения принадлежности. Это отражается в грамматической семантике производных адъективов с суффиксом *-ьск-*, мотивированных наименованиями лиц по полу: *женьский* и *мужьский*. Категориально-притяжательное значение данные образования реализуют в единичных случаях, например: *мужьски жены* (ПВЛ, 25 об.). В большинстве случаев в летописном языке они выступают с общим относительным значением, и прежде всего в составе устойчивых сочетаний *мужьскъ полъ* и *женьскъ полъ*. Лишь в единичных случаях данные адъективы отмечаются в других конструкциях, где получают качественные оттенки в семантике: *мужьскую хробрость* (МЛС, 176 об.). В ПВЛ такие конструкции более многообразны, что связано с большим разнообразием содержания памятника, в котором адъективы *женьский* и *мужьский* наряду со значением общей свойственности выражают и чисто качественное значение: *мужьская дѣла* (ПВЛ, 5 об.); *похотью женьскою* (ПВЛ, 25 об.); *женьская прелесть* (ПВЛ, 25 об.).

Чем обобщеннее значение производящего существительного, тем больше возможностей для реализации качественно-относительных оттенков у прилагательных на *-ьск-*. Прилагательные *людьский* и *человеѣчьский*, как формы, производящие основы которых имеют самое общее значение лица, выступают прежде всего с относительным значением «свойственный, присущий человеку, людям». В средневековой традиции существительное *человеѣкъ* имело отвле-

ченно-обобщенное значение, поэтому образованные от него словообразовательно-грамматические синонимы *человѣчь* и *человѣчьскыи* оказались близкими в функциональном и семантическом отношении. При этом адъектив *человѣчь* не мог иметь лично-посессивное значение, что приходило в противоречие с тем грамматическим значением, которое выражал к этому периоду суффикс *-j-*. В результате возобладал словообразовательно-грамматический синоним *человѣчьскыи*, который и получил широкое распространение в летописных текстах.

Религиозно-философское содержание лексемы *человѣчь* в средневековом сознании определило специфику контекстуального употребления производного от него адъектива. Прилагательное *человѣчьскыи* характеризовалось стилистической маркированностью, обусловленной как парадигматически, символическим значением производящего существительного, так и синтагматически, характером определяемых субстантивов. Данный адъектив представлен в синтагмах философско-религиозного содержания, в сочетании с существительными отвлеченного значения *родъ*, *мысли*, *помышленье*, *слава* и под.: *О многоименитая госпоже, царице небесныхъ чиновъ, присно и всея вселеня и всего человѣчьскаго живота кормителнице* (МЛС, 277 об.); *На видѣние и на память роду человѣческому и до сего дни* (МЛС, 177); *Понеже исперва родъ человѣчскыи женою съгрѣши* (ПВЛ, 35 об.); *Бѣси бо не вѣдятъ мысли человѣчское* (ПВЛ, 60); *Богъ единъ вѣсть помышленя человѣчьская* (ПВЛ, 60); *Он же не хотя славы человѣчьскыя. нача оуродство творити* (ПВЛ, 66); *Не можетъ умъ человѣчьскъ домыслити избъенныхъ* (НЛ, 86) и др.

Сочетания адъектива *человѣчьскыи* с личными именами обычно носят терминологический характер и также стилистически маркированы. Например, устойчивое выражение *сынъ человѣчьскыи* имеет традиционное значение «человек», поскольку слово *сынъ* выступало не только в узком смысле как термин родства, но и в широком «происходящий от кого или от чего»: *Не надѣитесь на князя, на сыны человѣчьскыи, в них же нѣсть спасения* (МЛС, 271 об.).

Прилагательное *людьскыи*, являющееся синонимом слова *человѣчьскыи* в языке, отличается спецификой контекстуального употребления. Оно выступает в синтагмах более конкретного значения, в которых преобладает событийный компонент. Как и прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ин-*, в сочетании с отглагольными существительными оно могло выражать «субъектное» значение, свойственное этим прилагательным искони [4, с. 317]: *погыбели людские* (МЛС, 260); *говоръ людски* (МЛС, 405). «Объектное» значение рассматриваемое прилагательное выражало реже, преимущественно в устойчивых сочетаниях, свойственных летописному языку, типа: *животы людские* (МЛС, 428 об., 433 об.), где *животъ* означает «имущество». Синтагмы, где прилагательное *людьскыи* определяет личные существительные, чаще всего характеризуются терминологизированным значением, например: *старци людския* (ПВЛ, 34 об.) – «предводители народа, старейшины». В других случаях *людьскыи* выступает с общим относительным значением «светский, мирской», например в цитате из пророка Давыда: *Князи людстии събрашася вкупѣ на господа и на христа его* (МЛС, 355 об.).

Образования, мотивированные наименованиями лиц по родственным и возрастным отношениям, не являются частотными в летописных текстах. К ним относятся формы *отчьскыи*, *дѣтльскыи*, *дѣвочьскъ*. Образование, мотивированное плюративом *дѣти*, чаще всего выступает в роли субстантива. Прилагательное *отчьскыи* не используется в своем первичном значении как определитель родственных отношений «относящийся к отцу». Оно выступает либо с религиозной семантикой «относящийся к отцам Церкви» (*преданья отечьская* (ПВЛ, 62)), либо с широким, метафорическим значением «относящийся к предкам, изначальный»: *Свою спасти тварь отеческихъ ядръ* (ПВЛ, 39). Соответствующее значение признака по родственным отношениям выражает его словообразовательный синоним – прилагательное с суффиксом *-ьн-* *отьнь*.

Формант *-ьск-* уже в древнерусском языке имел семантическую специализацию и поэтому довольно редко осложнял основы нарицательных неодушевленных существительных, так как в этой сфере функционировал более продуктивный суффикс *-ьн-*. Однако определенные лексико-семантическим разряды существительных могли быть производящими основами для прилагательных на *-ьск-*, а именно: названия населенных пунктов, географических понятий. Возможность соединения данного адъективного форманта с соответствующими существительными неодушевленными объясняется характером их значения. В образованиях от топонимов обнаруживается близость собственных и нарицательных имен. Специфика семантики топонимических наименований заключается в возможности обозначения ими не только места, пространства проживания людей, но и населения этого места. Таким образом, проявляется их семантическая близость к производным от основ одушевленных существительных. «Другая семантическая сторона – обозначение чисто пространственной отнесенности – оказывается не столь отчетливо связанной с суффиксом *-ьск-*, не столь характерной для него, и это отражается в ограниченном распространении суффикса *-ьск-* на нарицательные топографические основы в «чистом виде», ни в какой мере не связанные с планом одушевленности» [5, с. 57].

Прилагательные на *-ьск-* показывают отнесенность не столько к месту, сколько к жителям этого места: *градьскыи* (*городьскыи*), *земьскыи*, *улицькыи*, *манастырьскыи*, *вьселеньскыи*, *мирьскыи*, *митропольскыи*, *морьскыи*, *раискыи*, *сѣверьскыи*, *теремьскыи*, *заморьскыи*, *поморьскыи*. Семантическая специфика данных прилагательных своеобразно преломляется в контексте, в тех сочетаниях, в которых обычно выступают такие формы. Практически все они имеют синонимические образования с суффиксом *-ьн-*. Существительные, выступающие в качестве производящих основ для таких адъективов, обозначают объект или место, с которым связано представление об определенной категории людей. Поэтому данные прилагательные часто являются атрибутивными компонентами в синтагмах, где субстантивный компонент – личное имя, например: *людемъ градскимъ* (МЛС, 32); *старци градьскиѣ* (ПВЛ, 36 об.); *старѣишины градьскыя* (ПВЛ, 44); *людми градьскыи* (ПВЛ, 76 об.); *попове городьстии* (НЛ, 29 об.); *земскыи люди* (МЛС, 468); *старосты улицкыи* (МЛС, 429 об.); *стража морьская* (МЛС, 165) и др.

Значение принадлежности, изначально свойственное суффиксу *-ьск-*, своеобразно преломляется в подобных производных адъективах. Обозначая при-

надлежность не отдельному лицу, а совокупности лиц, которая подразумевается под топонимом с общим родовым значением (*городъ, улица* и под.), данные формы выражают самое общее отношение к тому, что названо мотивирующим словом. Например, обозначают то, что принадлежит городу: *стрѣлы градскыя* (МЛС, 288); *стѣну градскую* (ПВЛ, 37 об.); *стѣнь градскихъ* (МЛС, 288 об.); *стадо градское* (МЛС, 336); *житници городскыя* (МЛС, 420 об.) и др.

Особый случай представляет употребление прилагательного *мирьскыи*, мотивированного словом с синкретичной семантикой *мирь*, первичное значение которого «мир, вселенная» связано с обозначением определенного населенного пространства, имеет топонимический смысл. В этом отношении оно сближается с другими неличными субстантивами, выступающими в качестве производящих основ для прилагательных на *-ьск-*. Однако уже в древности адъектив *мирьскыи* наряду с общим значением «относящийся к вселенной, к миру» стал выражать специализированное значение «принадлежащий мирскому обиходу, светский», обусловленное одним из значений производящего имени *мирь* – «среда мирян, людей, живущих в обществе, не принадлежащих к духовенству». Таким образом, в семантике образования *мирьскыи* оппозиционно, через противопоставление церковного и светского, выражается религиозный смысл. Будучи лексемой с традиционным содержанием, прилагательное *мирьскыи* характеризует самые разные понятия. Оно выступает в синтагмах с существительными различных групп: личными и неличными, отвлеченными и конкретными, во всех случаях словоупотребления имплицитно содержит противопоставление «мирской» – «относящийся к Церкви»: *мирьскимъ именемъ* (МЛС, 51 об.); *в жити мирьстѣмъ* (ПВЛ, 64 об.); *мирьскимъ челомъ* (ПВЛ, 66); *мирьскую братью* (ПВЛ, 66 об.); *мирьскыя плицы* (ПВЛ, 71); *мирьскую похоть* (ПВЛ, 71 об.); *мирьскыи властью* (МЛС, 340 об.) и др.

Синонимично прилагательному *мирьскыи* прилагательное *вселеньскыи* в значении «всеобщий, всемирный», что связано с синонимией производящих основ *мирь* – *вселенная*. В отличие от *мирьскыи*, *вселеньскыи* выступает с самым общим, первичным значением, при этом оно получает прикрепленность к синтагмам религиозного характера, выступая в терминологизированных конструкциях. В летописных сводах прилагательное *вселеньскыи* является устойчивым определением к церковно-религиозным титулам (*вселеньского патриарха* (МЛС, 340 об.); *вселеньского учителя Иоанна Златоустого* (МЛС, 355); *святѣишихъ патъ вселенскихъ* (МЛС, 355 об.)) либо определением к наименованиям важных церковных событий: *вселеньскыи съборъ* (МЛС, 268); *святыхъ вселенскихъ зборъ* (МЛС, 357), где *съборъ* – «общецерковный съезд представителей высшего духовенства».

В этот же круг попадает образование *манастырьскыи*, так как существительное *манастырь*, будучи связанным с обозначением места, в то же время называет и совокупность лиц, имеющих отношение к этому месту. Характер синтагм, включающих определение *манастырьскыи*, свидетельствует о его семантической многоплановости, возможности выразить отнесенность не только к месту, обитателям данного места, но и к тем традициям, обрядам, порядкам, правилам, которые сопряжены с монастырем как центром духовной жизни.

Характер синтагм, включающих компонент *монастырьскыи*, связан со спецификой летописного свода. В НЛ, отразившей реальные исторические события, прилагательное *монастырьскыи* выступает в объектном значении при существительных, мотивированных глаголами конкретного физического действия: *о граблении монастырьскыхъ* (НЛ, 66 об.); *за пограбление монастырьское* (НЛ, 67).

В ПВЛ, в произведениях, посвященных монастырской жизни, оно определяет отглагольные существительные отвлеченной семантики, обозначающие церковные обряды, правила, традиции: *пѣние, преданье, чинъ, потреба* и под.: *пѣнья монастырьская* (ПВЛ, 54); *преданья монастырьская* (ПВЛ, 63); *по закону и по чину монастырьску* (ПВЛ, 63); *потребами монастырьсками* (ПВЛ, 63). В подобных адъективно-субстантивных синтагмах атрибутивный компонент *монастырьскыи* способствует актуализации религиозной семантики у определяемых существительных, отличающихся широким объемом значения и выражающих в древнерусском языке наряду с сакральным и мирской смыслом. В МЛС, в части, совпадающей с ПВЛ, где речь идет о монастырской жизни, отмечаются подобные же конструкции: *предания монастырьская* (МЛС, 5); *по чину монастырьскому* (МЛС, 5 об.); *потребы монастырьския* (МЛС, 6).

При описании исторических событий прилагательное *монастырьскыи* оказывается в синтагмах иного характера. Оно может выступать с собственно притяжательным значением в ряду однородных членов, сходных в структурном и семантическом отношении: *земли владычных и боарьских и монастырьских* (МЛС, 449); *волостей владычных да и монастырьских* (МЛС, 449). Оно может иметь и относительное значение в сочетании с конкретными или отвлеченными существительными как мирской семантики (*пред враты монастырьскыи* (МЛС, 16 об.); *за пограбление монастырьское* (МЛС, 124 об.)), так и религиозной: *жития монастырьского* (МЛС, 257).

Образования с суффиксом *-ьск-*, мотивированные существительными, называющими предметы религиозного назначения, отмечаются в памятниках старорусского периода: *псаломьскыи, еуангельскыи*. Выражая общее отношение к тому, что названо мотивирующим словом, они выступают в синтагмах устойчивого характера: *слово еуангельское* (МЛС, 97 об.); *псаломьскую пѣснь* (МЛС, 164 об.); *слово псаломьское* (МЛС, 281).

Суффикс *-ьск-* часто выступал в сложных последовательностях суффиксов *-овьск-* и *-иньск-*. Вариант *-овьск-* присоединяется к односложным существительным мужского рода с основой на *-*ѡ*, которые в словоизменительном и словообразовательном отношении с древнейших времен обнаруживали близость к *-*ѣ*-основам: *бѣсовьскыи, жидовьскыи, поповьскыи*. Удвоение суффикса способствовало более четкой семантической специализации подобных прилагательных, которые функционировали наряду с соответствующими формами с суффиксом *-овь*: *поповь, жидовь, бѣсовь*, выражавшими принадлежность.

Производные с суффиксом *-ьск-* были способны выражать значение лица вследствие субстантивации соответствующих прилагательных, мотивированных существительными со значением лица, что является отголоском древних отношений, связанных с первоначальной недифференцированностью имени и признака. Например, *дѣтьскыи* выступало и как адъектив «молодой», и как суб-

стантив «дитя». Суффикс *-ьск-* оформлял и существительные, называющие должностные лица Древней Руси: *подъвоискьи, десяцьскьи, сотьскьи, тысячьскьи*. Большинство из них мотивируется количественными именами числительными.

Образования от наименований животных с суффиксом *-ьск-* также немногочисленны, поскольку в этой сфере был очень активен суффикс *-ьј-*. Суффикс *-ьск-* использовался для образования от названий животных в тех случаях, когда суффикс *-ьј-* оказывался фонетически маловыразительным, что происходило при основе с мягким исходом. В текстах летописей отмечаются немногочисленные прилагательные типа *коньскьи*.

Единичными примерами представлены также отадъективные образования на *-ьск-*, например *мьрзьскьи* от *мьрзь* «противный, гнусный».

Различна структура производящих существительных для образований на *-ьск-*. Среди имен со значением лица, выступающих в этой роли, выделяются как непроизводные, так и производные основы с различными суффиксами. В летописном тексте чаще всего отмечаются формы, мотивированные именами с суффиксом *-ьцъ*: *черньць – чернечьскьи, черноризьць – черноризьскьи, скопць – скопечьскьи*. Как видно, данная группа производящих основ ограничена обозначениями лиц по религиозной принадлежности. При этом на стыке морфем обнаруживаются различные трудности морфонологического характера, вследствие чего возникают разные фонетические варианты, одни из которых носят закономерный характер, например переход *ц* в *ч*, другие – эпизодический, связанный с различными изменениями сочетаний согласных, вызванными падением редуцированных. Данные прилагательные выражают разные семантические оттенки: от личной и родовой принадлежности (*платье чернеческое* (МЛС, 128); *ризы чернеческая* (МЛС, 183 об.)) до общей относительности: *оть скопечьска чину* (МЛС, 12 об.); *черизьцьскьи чинь* (МЛС, 161).

Другую группу производящих основ составляют имена с суффиксом *-ьникъ*: *мученикъ – мученичьскьи, священникъ – священничьскьи*. Прилагательное *мученичьскьи* выступает с общим значением отношения «относящийся к мученикам»: *И молебнаа съвръшает въ всѣх храмах господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистые матери его, и въ крестных и апостольских и мученических* (МЛС, 436). Достаточно популярно в летописном тексте образование *священничьскьи*, которое практически всегда отмечается в сочетании *священничьскьи чинь*, где *чинь* имеет значение «собрание», а словосочетание *священничьскьи чинь* – «священнослужители».

В редких случаях отмечается соотнесенность прилагательных на *-ьск-* с личными существительными со стилистически маркированным суффиксом *-тель*. Образование *святительскьи* мотивируется существительным, называющим лицо по религиозному званию *святитель* «священнослужитель, епископ». Прилагательное *святительскьи*, как и другие имена религиозной семантики, отмечается в составе терминологизированных сочетаний, в которых реализует как значение принадлежности, так и значение общей отнесенности: *святительския ризы* (ПВЛ, 37); *сань святительскьи* (ПВЛ, 89). Таким образом, образования, мотивированные производными существительными, в языке

летописных текстов отличаются четкой семантической специализацией: связью с личными именами, называющими лицо по церковному чину, званию.

Прикрепленность прилагательных к определенным синтагмам – характерная особенность текстов древнерусского и старорусского периодов. Именно в синтагме происходит актуализация лексической и грамматической семантики и прилагательных с суффиксом *-ьск-*. В летописных текстах обнаруживается не только семантическая специализация в использовании суффикса *-ьск-*, но и его стилистическая маркированность, особенно ярко проявляющаяся при мотивировке личными нарицательными существительными. Суффикс *-ьск-* гораздо чаще оформлял личные существительные религиозного значения, чем нерелигиозной семантики.

Образования на *-ьск-* связаны с определенным кругом производящих основ: именами собственными, топонимами и этнонимами, личными нарицательными существительными и существительными с локальным значением, способными к выражению не только значения места, но и собирательного значения. Тексты летописных сводов ярко иллюстрируют тенденции в развитии грамматической семантики прилагательных на *-ьск-*: от выражения личной принадлежности – наиболее древнего, первичного значения, свойственного данным адъективам, и категориальной принадлежности – наиболее типичного значения образований на *-ьск-* в древнерусском языке, к относительному значению и, наконец, в редких случаях к качественному значению. Появление указанных оттенков находится в прямой зависимости от семантики производящих имен существительных.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

I.V. Erofeeva. The Adjective Suffix -ьск- as Means of Word-Formation in the Annalistic Text.

The article views functional features of derived adjectives with a suffix *-ьск-* in the language of Russian annals. The complex analysis of their grammatical and semantic features is carried out with regard to factors of syntagmatic, word-formational, and stylistic character. The number of productive bases for adjectives with suffix *-ьск-* is revealed. Specificity of their lexical meaning and the basic tendencies in the development of grammatical semantics are defined.

Key words: adjective suffix, grammatical semantics, productive basis, syntagmatic aspect, annalistic text.

Источники

- МЛС – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 25. – С. 7–333.
 НЛ – Новгородская первая летопись старшего извода. Синодальный список. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 13–100.
 ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1. – С. 1–286.

Литература

1. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
2. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – 446 с.
3. *Востоков А.Х.* Русская грамматика. – М., 1838. – 417 с.
4. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – 600 с.
5. *Зверковская Н.П.* Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI – XVII вв. – М.: Наука, 1986. – 112 с.

Поступила в редакцию
03.09.09

Ерофеева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.
E-mail: erofeeva89@mail.ru